

Волшебная тканьъ.

Рождественская сказка для дѣтей.

Снѣгъ ослѣпительно сверкалъ на вершинахъ дальнихъ горъ, и холодный вѣтеръ кололъ и щипалъ лицо, когда Эрба, закутавши голову въ капюшонъ своего плаща, взбиралась по дорожкѣ, ведущей къ холму, на которомъ находился ея домъ. Въ маленькомъ городкѣ, приютившемся у подножія холма, люди были заняты приготовленіемъ къ завтрашнему дню, который сулилъ много радостей дѣтямъ, потому что это былъ день веселаго праздника Рождества Христова.

Церковь сіяла великолѣпіемъ, вся разубранная голубыми и желтыми занавѣсами, отороченными золотой бахромой, а вверху украшенными фестонами изъ розъ. На алтарѣ виднѣлись свѣжіе букеты и большіе пальмовые листья; а шесть большихъ серебряныхъ ковчеговъ, въ каждомъ изъ которыхъ сохранялись мощи святого, и которые выносились только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, были разставлены сверкающимъ полукружіемъ на алтарѣ.

Въ церкви было много матерей съ дѣтьми и всѣ онѣ смотрѣли на Эрбу глазами, въ которыхъ свѣтилась нѣжная жалость; ибо въ прошлый канунъ Рождества дѣвочка была въ церкви съ своей матерью, а въ этомъ году она пришла сиротой. Но она собралась съ духомъ, чтобы не набрасывать тѣнь на радость другихъ, расцѣловала маленькихъ дѣтей, снесла больного мальчика Матвѣя по крутымъ ступенькамъ и нашла время поболтать съ калѣжкой Гизеппе, который цѣлый день просидѣлъ на углу рынка съ корзиной, наполненной маленькими куклами, сдѣланными изъ яркихъ тряпокъ и соломы. Корзина была въ этотъ вечеръ совсѣмъ полна и глаза бѣдняги были подозрительно влажны, когда онъ поднялъ голову, чтобы отвѣтить на привѣтствіе Эрбы. Было уже

поздно, и она предложила маленькому калѣкѣ завернуть его товаръ и отнести корзину къ нему домой; дорогой, пока они шли и Гизеппе подпрыгиваль на своемъ костылѣ рядомъ съ ней, она весело болтала, чтобы развлечь его. Но сердце у Эрбы болѣло, когда она поднималась домой по холму между оливковыми деревьями и думала о судейской женѣ, которая проѣхала мимо въ бархатѣ и мѣхахъ, тогда какъ больного маленькаго Матвѣя пронизываль холодный вѣтеръ, и о веселыхъ краснощекихъ дѣтяхъ, которыя шли домой въ сопровожденіи своихъ нянекъ, нагруженныхъ игрушками и конфетами, тогда какъ корзина бѣднаго Гизеппе была полна непроданнаго товара.

„И самое худшее то, что я ни на что не годна и не въ состояніи помочь никому“, сказала она про себя, подходя къ сѣрому коттэджу, гдѣ жила послѣ того, какъ осиротѣла, вдвоемъ съ своей сестрой.

Коттэджъ былъ погруженъ въ темноту, такъ какъ сестра ея Марта задержалась въ городѣ, куда ходила, чтобы продать кружева, сплетенныя обѣими сестрами для торговца галантерейными товарами. Эрба принялась разводить огонь и готовить ужинъ; она отдернула оконную занавѣску, чтобы огонь очага могъ привѣтливо свѣтить ея сестрѣ, когда та будетъ подниматься къ дому. А затѣмъ она вышла въ сѣни и, стоя у дверей, стала ждать.

Солнце садилось; высоко надъ коттэджемъ, съ правой стороны, мерцаль огонекъ; онъ свѣтилъ изъ окна домика, гдѣ рядомъ съ маленькой древней церковью жилъ старый священникъ. Рядомъ съ церковью находилось небольшое, вѣчно обвѣваемое вѣтрами кладбище, гдѣ лежали смертныя останки, служившіе временной оболочкой для многихъ родственниковъ Эрбы. Тѣло ея матери лежало тамъ же. „Снесу-ка я свой вѣнокъ сейчасъ“, — сказала дѣвочка про себя. „Можетъ быть, я не буду себя чувствовать тамъ такой несчастной и бесполезной“.

И надѣвъ на руку вѣнокъ изъ ярко-красныхъ ягодъ и разноцвѣтныхъ осеннихъ листьевъ, она отправилась по крутой тропинкѣ къ мерцающему огоньку.

Много разъ ноги Эрбы поднимались по этой тропинкѣ, прихотливо извивавшейся вверху, много разъ звенѣль въ ея ушахъ шумъ невидимаго водопада, стремительно падаващаго среди густо заросшихъ кустовъ и папоротниковъ; она знала каждый шагъ и каждый поворотъ тропинки и велико было ея удивленіе, когда взойдя на маленькую площадку, она увидѣла, что дорога раздѣлилась на двѣ тропинки. Она остановилась въ недоумѣніи, зная,

что этой второй тропинки не было здѣсь; а между тѣмъ, вотъ она, ясно обозначенная, направляется вправо, ее окаймляетъ высокая насыпь, съ которой спускаются вьющіяся растенія, ясно видимыя несмотря на сгустившіеся сумерки. Она подняла голову и увидѣла огонекъ, мерцающій подобно звѣздѣ надъ ея головой, и подавивъ колебаніе, Эрба вступила на невѣдомую тропинку.

По мѣрѣ того, какъ она подвигалась, мѣсяць поднимался, яркій и прекрасный, а шумъ потока превращался постепенно въ пріятный перезвонъ безчисленныхъ серебряныхъ колокольчиковъ, таинственныя дуновенія, подобныя шепчущимъ голосамъ, покачивали вѣтки надъ ея головой и разъ или два она останавливалась, думая, что слышитъ среди высокихъ травъ журчаніе, похожее на тихій смѣхъ и видитъ блестящіе глаза, выглядывающіе на нее изъ-за темной листвы. Внезапно перезвонъ серебряныхъ колокольчиковъ превратился въ ясную нѣжную музыку, когда она вышла на открытое мѣсто у подножія скалы.

Въ скалѣ виднѣлась пещера и впереди ея, на открытой площадкѣ, сидѣла озаренная луннымъ свѣтомъ Женщина, сплетавшая изъ перепутанныхъ многоцвѣтныхъ нитей—чудную ткань. Вокругъ головы Женщины сверкалъ вѣнецъ изъ разноцвѣтнаго пламени, а одежда спадала съ нея подобно серебряному туману и, сливаясь съ сотканной тканью, спускалась со скалы волнистыми мерцающими складками къ самымъ ногамъ Эрбы. Музыка падающаго потока измѣнилась снова и стала похожа на убѣждающіе голоса.

„Спрашивай ея, спрашивай ея“, говорили голоса; не имѣя силы противиться имъ, Эрба заговорила:

— Что вы дѣлаете?

— Я вплетаю въ мою ткань тѣ нити, которыя ты дала мнѣ сегодня,—быль отвѣтъ;—поднимись сюда ко мнѣ, я покажу тебѣ ихъ.

И тогда Эрба увидѣла ступеньки, обозначавшіяся изъ подъ складокъ мерцавшей на лунномъ свѣтѣ волнистой ткани, и какъ во снѣ начала она подниматься по нимъ, пока не стала передъ ткущей Женщиной, которая посмотрѣла на нее ясными, улыбающимися глазами. Рядомъ съ нею лежала спящая лань, а на скалистыхъ выступахъ пещеры сидѣли бѣлые голуби, дремотно сложивъ крылья. Эрба смотрѣла въ глаза чудной Женщинѣ и не испытывала страха.

— Вотъ посмотри эти нити, — и Женщина протянула Эрбѣ перепутанный мотокъ блестящей многоцвѣтной пряжи.

— Но вѣдь здѣсь спутаны всякія нити, и толще веревки и тоньше волоска,—сказала дѣвочка.—Какъ можете вы ткать ими?

— Онѣ въ моей ткани всѣ идутъ въ дѣло,—отвѣтила Женщина съ улыбкой.—Посмотри, вотъ кусочекъ твоей сегодняшней ткани!

И она протянула къ ней конецъ нѣжно-лиловаго цвѣта, на которомъ трепетали тонкія полосы пурпура и лучи серебра съ разбросанными кое-гдѣ золотыми стрѣлами, сверкавшими въ складкахъ ткани. Но, свѣшиваясь съ одного края ткани, виднѣлся тусклый, коричневато окрашенный кусокъ, и Эрба спросила съ удивленіемъ:

— Почему вы портите красоту этой чудной ткани вотъ этимъ? Ткущая улыбнулась и сказала:

— Это *ты* сдѣлала эти тускляя нити, когда стояла у двери котѣджа и думала, что Міровой Порядокъ несправедливъ, потому что не могла понять, какъ сплетается ткань жизни.

— Покажите же мнѣ, какъ она сплетается,—сказала Эрба съ глубокимъ волненіемъ.

Тогда Женщина взяла зеркало, которое стояло, прислоненное къ ея колѣнямъ, и подняла его къ глазамъ дѣвочки; въ немъ Эрба увидѣла самое себя, идущую изъ города вверхъ, но она шла не одна: вокругъ нея роились цѣлыя тучи маленькихъ формъ, похожихъ на эльфовъ, воздушныхъ и фантастичныхъ, мѣняющихъ ежеминутно свои очертанія. И когда она смотрѣла, одна изъ нихъ отдѣлилась отъ остальныхъ и быстро понеслась въ сторону; Эрба прослѣдила ее до самаго дома городского судьи. Жена судьи сняла свои мѣха и присѣла къ камину съ задумчивымъ лицомъ; а крошечный воздушный эльфъ, прикасаясь къ ея сердцу, сказалъ:

— Хотя у тебя нѣтъ ребенка, который называлъ бы тебя матерью, есть такъ много дѣтей, которыя не имѣютъ ничего и нуждаются въ материнской заботѣ и любви.

Вслѣдъ затѣмъ картина поблѣднѣла и на ея мѣстѣ появилась другая; на этотъ разъ цѣлый рой крошечныхъ эльфовъ отдѣлился отъ сопровождавшаго ее облака и проникнувъ въ домъ, гдѣ цѣлая толпа веселыхъ дѣтей сидѣла у камина, крошечныя воздушныя существа шептали имъ съ упрекомъ: „у васъ цѣлыя горы красивыхъ вещей, а вы прошли равнодушно мимо маленькаго калѣки Гизеппе и ему будетъ холодно и голодно на Рождество“.

И такъ изъ дома въ домъ слѣдила Эрба за полетомъ воздушныхъ существъ, въ которыхъ она узнала свои собственныя мысли. Наглядѣвшись, она повернула лицо къ ткущей Женщинѣ и спросила:

- Что все это значить?

Женщина собрала блестящія нити и прислонивъ зеркало къ своимъ колѣнямъ, сказала:

— Значеніе этого ты должна открыть сама.

Вслѣдъ за этимъ въ ухахъ у Эрбы снова раздался шумъ потока, Женщина въ сверкающемъ вѣнцѣ, пестрыя нити и волнистыя ткани исчезли изъ ея глазъ, и она увидала огонекъ, освѣщавшій окошко ея собственнаго дома.

— Я думала, ты никогда не придешь,—сказала Марта, отгоня старую собаку отъ очага, и ставя на ея мѣсто стулъ, чтобы погрѣться у огня:—я съѣла почти весь ужинъ, такъ я проголодалась. Я остановилась у окошка Гизеппе и долго разсматривала рождественское дерево и красивые подарки, которые дѣти прислали Гизеппе; хорошо быть калѣжкой! И сама судейская жена подъѣзжала въ экипажъ и привезла ему теплое платье; а другой узелъ съ теплыми вещами отвезла матери Матвѣя. Всѣ дѣлали что нибудь хорошее, кромѣ насъ.

— И у меня было хорошее,—сказала Эрба, присаживаясь къ очагу и давая мѣсто у самага огня собакѣ, и она рассказала исторію Женщины, ткущей ткань жизни.

— Ты просто заснула и видѣла это во снѣ,—сказала Марта зѣвая. Но на слѣдующій день она пошла по той же тропинкѣ сама, и когда не нашла ничего, кромѣ знакомой дорожки и развалившейся хижины, въ которой старая, глухая женщина сидѣла съ прялкой у самой двери, Марта сказала про себя:— „конечно, это одна изъ глупыхъ фантазій Эрбы“.

Прошли мѣсяцы; вся страна покрылась весенними цвѣтами, а затѣмъ плоды на оливковыхъ деревьяхъ созрѣли и были собраны; еще позднѣе облетѣли листья и снѣгъ появился на дальнихъ горахъ, когда однажды при звонѣ Рождественскихъ колоколовъ, сливавшихся съ шумомъ потока, Эрба снова очутилась лицомъ къ лицу съ Ткущей тканъ жизни.

— Могу я еще разъ посмотреть въ зеркало?—спросила она, но Ткущая тканъ жизни покачала головой.

— Это бесполезно, потому что ты уже выучила свой урокъ,—сказала она, глядя на дѣвочку глазами, въ которыхъ свѣтилась нѣжность.

—Какимъ именемъ называется ваша работа?—спросила Эрба, глядя на тканъ, которая подобно повергнутой радугѣ разстилалась вокругъ Ткущей.

— Я создаю ткань Жизни изъ нитей Мысли, — отвѣтила она и легкій вѣтеръ пронесся волною по паутинной ткани, поднялъ ее вверхъ и заключилъ въ ея мерцающія складки и Ткущую, и ея пещеру. А когда вѣтеръ стихъ, Эрба очутилась одна, но музыка скрытаго потока продолжала звучать, и скалы, и травы, и цвѣты, казалось, участвовали въ пѣснѣ потока.

Переводъ съ англійскаго Е. П.

Наши моральныя дѣянія являются основой нашихъ будущихъ условій.

Если вы имѣете дѣло съ религіей, то будьте проникновенны и разумны въ вашей религіи. Изучайте религію, пока вашъ разумъ не получитъ удовлетворенія.

Въ жертвѣ ничто не приемлено для Бога, кромѣ намѣренія приносящаго ее.

Чти Бога въ тебѣ. Богъ находится болѣе въ душѣ человѣка, чѣмъ гдѣ либо въ этомъ мірѣ.

Законы Бога суть не приказанія Его воли, силы или желанія, но рѣшенія Его истины, разума и справедливости.

Богъ является намъ соотвѣтственно нашимъ способностямъ.

Всякое дѣйствительное знаніе есть наше собственное приобрѣтеніе; мышленіе каждаго человѣка есть человѣкъ.

Разумъ открываетъ естественное и разумъ воспринимаетъ сверхъестественное.

Первое дѣйствіе религіи—познать, что есть истинно; второе дѣйствіе—выразить это въ нашей жизни.

Хорошій человѣкъ есть настроенный инструментъ.

Грѣхъ есть попытка уклониться отъ неизблемыхъ и неизмѣнныхъ законовъ вѣчной праведности, доброты и истины, отъ которыхъ зависятъ наша вселенная,

Тотъ, кто своимъ незнаніемъ затемняетъ слова, возвращаетъ насъ къ младенчеству міра.

(Изреч. христіанскаго мистика „Benjamin Whitcole“).